

КОРИЧНЕВАЯ ВЕСНА

1

Герой этой книги, еврей Соломон Рихтер, умирал одновременно с демократией и Европой.

Демократия умирала уже несколько раз: в Афинах, во Флоренции, в Ваймаре; демократии не привыкать. Европа умирала и воскресала постоянно — это форма ее жизнедеятельности. Циклы жизни демократии и европейского континента приучили партии гвельфов и гибеллинов к стоическому равнодушию. Но для человека, который живет только один раз, смерть — дело ответственное. Надо было привести в порядок мысли и чувства.

Соломон Рихтер был историком — и, подобно многим ученым, был агностиком. Загробной жизни не признавал, предложи ему высший разум вечную молодость, он бы отказался. Пару раз случалось такое, что он хотел остановить прекрасное мгновение; однако любопытство историка пересиливало: следовало пройти все стадии одухотворенной материи, вплоть до распада. За долгую жизнь он узнал много разного, и сейчас наблюдал, как знания отделяются от сознания, словно с сознания спадает шелуха. В течение всей жизни ему не давала покоя мысль, что, овладев разными дисциплинами, он не нашел связующей знания субстанции. И теперь, когда знания отпадали от сознания, он с любопытством ждал, что именно обнажится, когда скорлупа знаний отпадет.

Последнее чувство, которое Рихтер испытал, было презрение к народу.

Соломон Рихтер всю жизнь боролся за равенство, даже некоторое время верил в коммунизм. Поэтому презрение к народу было чувством неожиданным. Однако это было именно брезгливым презрением к малым сим.

Рихтер привык анализировать свои чувства. Он объяснил презрение так.

Сочувствуют «простому» человеку потому, что никто не имеет права на чувство превосходства. Сочувствие дикарю — есть упражнение для нравственной системы. Сочувствуют дикарю вопреки его вульгарности, а вовсе не потому, что вульгарность притягательна.

Все это верно ровно до той минуты, пока вульгарный человек не приходит в самодовольное состояние от того, что ему сочувствуют. Мещанину мнится, что он выбран как точка отсчета общества. Дикарь начинает гор-

диться своей вульгарностью, умиляется своей варварской непосредственностью. В момент самолюбования превращается в быдло.

Мы должны сострадать нищему. Но мы не имеем права допустить торжества быдла.

Девяностолетний ученый полагал, будто его мнение кому-то интересно и нечто меняет в мире — он всегда много о себе понимал. Лежал, умирая, и думал — кому отдать симпатии.

Евреев представляют плюгавыми людьми с тонкими шеями; но старик Рихтер был рослым и широкоплечим человеком. От долгого сидения за столом стал сутулым, но теперь, раскинувшись на больничной койке, вытянулся во весь рост и развернул плечи. Близкая смерть убрала с лица все лишнее — ненужные складки, случайные морщины. Кожа обтянула череп, нос напоминал клюв сокола, высокий мраморный лоб был спокоен. Колено Израилево, к которому принадлежал Рихтер, производит воинов — и Соломон Рихтер, до того как стать историком философии, был солдатом. Теперь, когда он лежал на койке, он вспоминал военный госпиталь под городом Ржевом, где так вот без движения лежал семьдесят лет назад. Умри он тогда, не досмотрел бы третий акт спектакля русской истории.

Первый акт — революция. Соломон родился в 22-м году в Буэнос-Айресе, видеть русскую революцию не мог. Еврейская семья приехала из Аргентины в Россию в 27-м году, чтобы строить небывалую страну на месте империи, чтобы строить республику равных. Пароход пришел в Ленинград, к тому причалу, с которого в 22-м году отходил в эмиграцию так называемый «философский пароход». Тогда интеллигенцию выслали, теперь новая экономическая политика звала докторов наук обратно. Корабль приплыл в СССР — и Соломон помнил отца, спускающегося по сходням на берег; Моисей Рихтер был в синем шерстяном костюме, в котором совершал торжественные поступки: в нем же ушел в тюрьму, в нем Моисея и похорошили.

Это был первый акт. Пролог драмы семья пережила в 1905-м году. После революции пятого года Моисея Рихтера посадили в тюрьму первый раз; он агитировал среди рабочих; Моисей бежал из России, эмигрировал в Аргентину, стал минерологом и в первом акте вернулся — строить небывалое государство рабочих и крестьян. Его четыре сына приехали с ним вместе.

Второй акт — мировая война; войну Соломон знал хорошо. Трех братьев убили, а отца посадили в лагерь — из всей семьи он один выжил. Победил социализм — но цена победы была такая, что про смысл социализма почти забыли. Воевали народы, а что означала племенная солидарность — непонятно; говорили — что это социализм.

Третий акт — отказ от русского социализма, поворот к европейской демократии, а затем окончательный отказ и от западной демократии и от социализма — с тем, чтобы вернуться к дореволюционным временам, к Российской империи. Круг замкнулся. И жизнь подошла к концу. Занавес.

Рихтер умирал в те дни, когда русский народ праздновал освобождение от западных идеалов. Почти сто лет длился европейский спектакль в России. Правда, внутри этого цикла разместилась сталинская империя; но возврата к империи не заметили — спасла война: мы сражались с другой империей и казалось, что сражаются за равенство.

Социалистическая революция, в той мере, в какой она была наследницей революции Французской, — обозначила поворот к народовластию, несвойственному России, — это немыслимое дело в крепостной стране. Народовластие было европейским, даже именно французским влиянием — Временное правительство утвердило Марсельезу в качестве национального гимна, но Марсельезу забыли быстро. От республиканской формы правления отказался уже Сталин, Россия вернулась к империи стремительно, но окончательно отказались от республиканской фразеологии лишь сегодня.

Еще вчера либералы гнали патриотов в шею из своих офисов и смеялись над ними, еще вчера жирный министр-реформатор Гайдар говорил, комментируя бедственное положение населения: «если в рынок не впишется тридцать миллионов человек, то они сами виноваты», — и вот теперь патриоты маршируют с черно-красными знаменами через город, а либералы жмутся к стенам. И решено те самые проблематичные тридцать миллионов убить не на рынке, а на войне. Как же так получилось? Еще вчера люди хвастались связями на Западе, корпорации резали российский пирог крупными ломтями, и либеральные мальчики клубились в редакциях, оттачивая зубоскальство на русской гнилой доле. И вот корпорации раздали верным патриотам, и русский мужик возликовал: отныне угнетают его отечественные, свои, родные баре! И русский патриот оскалится своими гнилыми зубами на Запад, и — бежит прочь, вжав голову в плечи, либерал. И либерала гонят, свистят ему в спину! Недолго демократы куражились. Дистанцию от кабаре до гибели богов мы прошли за короткое время.

Сегодня русские патриоты говорили открыто: я империалист. И обиженная долгим унижением толпа ревели на площадях.

Первой жертвой новой империи стала Украина. Русские танки месили украинские дороги, и русские люди кричали, что заставят хохлов раскаться в том, что те предали «русский мир».

Что такое «русский мир» и чем этот мир отличается от «украинского мира», сказать никто не мог; русские и украинцы были соседями, смотрели одинаковые программы по телевизору, болели за футбол, пили одну и ту же водку. Но теперь их убеждали в том, что есть некий специальный «русский мир» — за его торжество надо убить соседей.

Напрасно русскому миру дали фаустовские слова. Принимать лекарство, не понимая слов на этикетке, — нелепо.

О Фаусте Рихтер думал постоянно. Помните, в первом действии Фауст признается своему коллеге Вагнеру, филистеру, что когда его отец лечил

крестьян, то часто давал им лекарства, назначения которых и сам не знал? Так и мы, думал старик Рихтер, разве мы знали значение слов, коими возбуждали народ? Разве Моисей в годы своей юности народника знал, что означает слово «демократия» применимо к России? В России нет народовластия, но есть народная воля. И народная воля требует власти сатрапа. Но разве без воли миллионов — могли бы убивать многие сотни тысяч невинных?

Любопытно, думал Рихтер, случайно ли Гете дал фамилию Вагнер — школяру-ученому, тени Фауста? Значит ли это, что полет валькирий придуман для мещан?

Так он лежал, умирая, и думал про третий акт пьесы.

2

За дверью палаты Рихтера клубился военно-патриотический разговор. Санитар описывал военные действия в Донецке, украинском городе; утверждал, что принимал участие в снабжении Донецка боеприпасами.

Машины разгружали ночью. Солдаты, сопровождавшие грузовики с красным крестом на бортах, платили рабочим по сто тысяч рублей за ночную смену. В ящики заглядывать не рекомендовали. Ящики тяжелые, слишком тяжелые для медикаментов.

— А может, там правда лекарства были? — спрашивали его.

Санитар смеялся.

— По-твоему, Дешков аспирином стрелять будет?

Дешков — жестокий командир донбасских боевиков, которых иногда называли ополченцами, а иногда террористами. Про Дешкова говорили даже в Москве; его имя стало символом войны с Украиной. Наличие войны отрицали. А про Дешкова — говорили.

По слухам, Дешков приехал на Донбасс из России, где сидел в тюрьме, — за что он сидел, непонятно. Дешков, выпустили на свободу лихого человека, патриота России, и он теперь убивает украинцев — эта дикая фраза никого в Москве не удивляла. Как рассказывали, явился высокий чин в тюремную камеру и сказал: поедешь воевать на Украину, искоренишь фашизм! Считалось, что украинцы — фашисты, потому что украинцы не любят русских. Писали в газетах: на Украине — фашизм.

— Так прямо и сказал генерал, ты понял? — говорил санитар, волнуясь. — На Украине недобитые фашисты! Отсиделись гитлеровцы в лесах... И так еще сказал генерал: чтоб ты у меня, Дешков, всю Русскую империю восстановил, понял?! Дешков прямо из тюрьмы поехал на фронт.

— Разве на Украине — фашисты?

— Сам не знаешь? Они же нас, москалей, ненавидят!

— А говорили, нет русских военных на Донбассе.